

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Коваленко Н.Г. — Философско-религиозное творчество Л.Н. Толстого как исходное начало в культуре Серебряного века // Философская мысль. – 2023. – № 5. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.5.39123 EDN: LYJWYN
URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39123

Философско-религиозное творчество Л.Н. Толстого как исходное начало в культуре Серебряного века

Коваленко Наталья Геннадьевна

ORCID: 0000-0002-5397-316X

кандидат философских наук

доцент, кафедра иностранных языков и культуры речи, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

196601, Россия, г. Санкт-Петербург, пушкин, ул. Петербургское Шоссе, 2А, оф. 2403

✉ nataly6707@mail.ru[Статья из рубрики "Философия культуры"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8728.2023.5.39123

EDN:

LYJWYN

Дата направления статьи в редакцию:

07-11-2022

Аннотация: В данной работе рассматриваются особенности философско-религиозного творчества великого русского писателя и мыслителя Льва Николаевича Толстого как родоначальника отечественной культуры Серебряного века. Аргументированно излагается тезис автора настоящей статьи о том, что творчество Толстого как художественно-образное, так и публицистическое было пронизано религиозным содержанием, что и составило родовую специфику культуры Серебряного века. Для Толстого культура базируется на духовно-нравственных началах, которые неотделимы от христианско-религиозного обоснования, что и составило предмет настоящего исследования. Целью работы стало выявление и анализ таких основополагающих категорий философии Толстого как христианская любовь и социальное ненасилие. Любовь по Толстому – знаковый фрагмент религиозного мировоззрения, а непротivление злу насилием выступает социально-нравственным компонентом, который единственно может разорвать порочный круг социального и индивидуального зла в человеческом обществе. Для доказательства своих философских обобщений Толстой широко применяет историко-культурную методологию и как рационально мыслящий человек использует картезианскую парадигму приоритета разумности и доказательности.

Безусловная вера Толстого по характеру своему глубоко рационалистична, что хорошо иллюстрируется его приверженностью моральному утилитаризму или нравственному прагматизму. Проблемы и содержание статьи актуальны в свете тех задач, которые стали глубоко насущными сегодня в сфере воспитания подрастающих поколений. Выводы работы значимы не только в историко-философском плане, но они вносят свой вклад в обоснование идеи о значимости религиозного сознания для современного Российского социума.

Ключевые слова:

философия непротивления, религия Толстого, любовь, ненасилие, как философские категории, культура, Серебряного века, религиозно-символическая направленность, исканий художников, философов Серебряного века

Введение

Одной из важнейших особенностей культуры Серебряного века стала акцентуация на значимость философских и нравственно-религиозных начал в её содержании. Это определялось в первую очередь своеобразной трактовкой феномена культуры со стороны великого русского писателя, мыслителя и религиозного реформатора Льва Николаевича Толстого. Советский историк философии, академик В. Ф. Асмус в своих работах подчеркивал, что ключевой особенностью мировоззренческих установок Толстого, его взглядов на жизнь и образа мыслей, являлось углубленное знание, осмысление и тончайшее восприятие, чувствование культуры, а также критический подход к *оцениванию* и анализу культуры, бытовавшей в то время в странах Западной Европы и принятой в русской среде. С точки зрения Толстого, как в отечественном, так и в западных социумах наблюдалось серьезное противоречие, заключавшееся в расхождении между *официально декларируемым пред назначением и реально существовавшим статусом* культуры, к которой следует отнести искусство, научно-техническую и образовательно-просветительскую сферы. По его мнению, основной целью существования и развития культуры являлось служение большинству, то есть простым людям незнатного происхождения – в первую очередь, рабочим и крестьянам, направленное на удовлетворение их насущных потребностей. Однако в тогдашних реалиях, повсеместно распространенных в пореформенной России, пользоваться плодами культуры преимущественно могли лишь люди, имеющие образование, капитал или относящиеся к высшему сословию, то есть интеллигенция, буржуазия и аристократия [1. с. 41]. Как философ советского времени, Асмус сосредотачивает внимание на социологической трактовке культуры, её значения в социально-классовом понимании. Для Толстого же ведущей была духовная наполненность культуры как явления народной жизни. В этом он продолжает классическую традицию отечественной философии, которая была неразрывно сопряжена с религией, духовностью, соответствующим мышлением и христианскими взглядами, и поэтапно развивалась – от славянофильской концепции «цельного разума» к заменившему ее затем «конкретному всеединству», разработанному В.С. Соловьевым, а в последующем и к «идеал-реализму», укоренившемуся с наступлением XX века [2. с. 144], то есть в рамках отечественной культуры Серебряного века.

Методология

Цель предлагаемой вниманию читателя данной работы заключается в том, чтобы по-

новому посмотреть на динамику отечественной культуры рубежа XIX – XX веков, которая в исследовательской литературе обозначается как культура Серебряного века. В творчестве Л.Н. Толстого, ставшего основоположником этой культурной эпохи данная динамика выразилась в христианской категории любви и философского концепта ненасилия. Методологически в статье широко используется культурно-исторический подход, картезианская парадигма и идеи о современности как Я-субъективности. Также автор опирался на философское наследие историков отечественной философии. Новизна исследования заключается в рассмотрении культуры, человека и бытия в их диалоговой целостности, где культура связана с особым статусом субъекта как творца и носителя культуры. Субъектность стала в историко-культурном аспекте отличительным свойством русской культуры Серебряного века имеющим и сегодня уникальную ситуацию перманентной современности.

Основная часть

В культуре, по Толстому, основополагающим моментом должны стать ценности духовного порядка и, в первую очередь, ценности нравственно-религиозного характера. Это порождалось теми реалиями исторического и духовного содержания, что сформировались в России пореформенного периода. Россия того времени – это страна, находящаяся в русле модернизационных процессов. Они охватили экономику, социальную жизнь в целом и, конечно же, духовную культуру. Интерес к религиозной составляющей культуры – общий для отечественных мыслителей рубежа столетий. Характерен он был, например, для В.С. Соловьева, В.В. Розанова и других. Профессор А.Я. Кожурин пишет о Розанове, что именно христианство как религия, а конкретнее – проявление божественности и присутствие Бога в повседневности, окружающем мире и обычной жизни, являлось основным предметом интереса этого ярчайшего представителя отечественной философской мысли [\[3, с. 408\]](#).

В оценке современного ему российского и западноевропейского общества Толстой основной упор делал на тот факт, что ключевым недостатком экономической системы, базирующейся на принципах капитализма, является отчуждение результатов людского труда и отсутствие связи между непосредственной трудовой деятельностью работника, его телом и духовно-нравственным началом. Также он считал, что искусственное отсоединение человеческого социума от окружающей природы, утрата единения с ней, уход «с земли», как и отчуждение от плодов собственного труда, имманентно присущи современному образу жизни, во многом порожденному буржуазией. В нашей стране новые культурные веяния и общественные преобразования в значительной степени затронули русские сёла и деревни, в которых постепенно разрушался старый патриархальный уклад, семейственность, отмирали привычные способы ведения хозяйственной деятельности, упразднялись обычаи сосуществования в крестьянской общине как традиционном сельском «мире». Рушились духовно-нравственные скрепы жизни русского человека [\[4.\]](#).

Русский писатель не сомневался в том, что корни нравственного падения и морального несовершенства, отказа от религиозности и принципиальной порочности буржуазного общества зиждутся в исчезновении вековой природной связи, на протяжении многих тысячелетий существовавшей между людьми и землей. Внимание Толстого концентрируется на рассмотрении и детальном анализе ряда явлений, свойственных любой экономике – денег как платежного средства, феномена профессиональной специализации, то есть разделения труда, а также пагубности присущей капитализму эксплуатации работников. Он приходит к выводу, что деньги хотя и позволяют людям

свободно покупать товары и обменивать свой труд в рыночных условиях, параллельно выступают ключевым инструментом финансово-экономического принуждения. Причем подобное положение дел, по убеждению писателя, автоматически складывается в любой стране с существующей развитой денежной системой. Таким образом, деньги встают на службу системе принуждения, а, следовательно, утрачивают первоначальное предназначение и больше не способны полноценно выступать ни в роли инструмента рыночного обмена, ни в качестве меры ценности, поскольку плоды личной созидательной трудовой деятельности могут быть произвольно, незаконно и насильственно отобраны у индивида [5. с. 267]. Феномен насилия становится одним из главных объектов осмысления противоречий социальной жизни со стороны философии Толстого.

Противовес насилию, по Толстому, мировоззрение и мировосприятие ненасилия. Если мировосприятие можно охарактеризовать как эмоциональное видение мира, то мировоззрение характеризуется устойчивой рациональной составляющей. Целая философская система формулируется им как учение о ненасилии. Современный петербургский исследователь С.В. Алябьева пишет об этой философии, что основным началом для писателя является Бог, отличающийся непостижимостью для человеческого разума и без которого мир не может существовать. Под ним Толстой подразумевает особый закон существования Вселенной, находящий отражение в древнегреческой культуре как Логос, а в философии Древнего Китая аналогом этой категории является Дао. Мы полагаем, что центральным аргументом в рамках разделяемой писателем философии ненасилия можно назвать принципиальное согласие с идеей существования Господа как обязательного элемента Вселенной и жизни в ней. Однако сам писатель рассматривает Господа не с точки зрения христианской религии, а скорее с позиций философии. Для Толстого Он олицетворяет собою духовность и в некотором роде противопоставляет телесности, вещественности, материальности этого мира, однако при этом именно одновременно Он и порождает его, делая возможным само его существование. Таким образом, без обезличенного философского Бога, бесконечного во временном и пространственном измерении, не может существовать Вселенная, при этом он находит выражение во всем, что окружает нас. Характерной отличительной чертой проповедуемого писателем учения о ненасилии, также выступающей в роли его фундаментального обоснования и одного из базисов, можно назвать отношение Толстого к человеческому естеству, восприятие внутренней сути индивида, знание и осмысление специфики его жизнедеятельности, социализации в окружающем социуме и поведенческих особенностей, а также осознание и чувство его глубинной и всесторонней взаимосвязанности с мирозданием. Писатель был убежден в том, что человеческое «я» не ведет к отделению, обособлению от мира, всего происходящего в нем и непосредственного окружения, а напротив, отвечает за объединение индивидуума с человечеством в целом [6. с. 17-20]. Антагонизм феномена ненасилия в жизни человека – это практика насильственных деяний и в первую очередь со стороны государства. Поэтому Толстой в силу духовно-нравственных причин не приемлет современное ему цивилизационное устройство.

По Толстому в историческом процессе сложилось три главные формы насилия: солдатство, то есть государственное насилие, выражающееся в виде принудительного призыва солдат на службу в армию; земельный налог, причем поддержку процессу его сбора с народонаселения обеспечивали военные; всеобщее прямое и опосредованное налогово-податное обложение. Толстой считал, что любые действия насильственного характера, которые применяют вооруженные солдаты против мирного, невооруженного населения, оправдываются тем, что это якобы требуется, чтобы защитить родину от

вражеских супостатов, обеспечив безопасность страны, однако реальная суть его совсем иная и, в конечном счете, сводится к простому покорению, завоеванию людей агрессорами и насильниками. В частности, государство, насильно отбирая земли у крестьянского сословия в пользу знати на условиях семейного наследования, оправдывалось тем, что этим оно награждает последнюю за сохранение и поддержание некоего общественного блага, однако в реальности это поработило и закрепило крестьян в интересах правящего класса при поддержке военных. Также Толстой подчеркивал, что обложение податями для его современников является самой актуальной формой насилия, атакующей их имущественные права и свободы, ставящей под угрозу личное благосостояние и независимость и оправдываемой всё тем же мнимым поддержанием всеобщего блага [5. с. 289].

В современной исследовательской литературе по истории российской государственности это получило название – становление «служебно-домашней цивилизации». Профессор П.И. Смирнов в своей работе упоминает, что, когда в Российской Империи на трон вззошел Александр I, в стране более явно и активно начали проступать отличительные черты, свойственные служебно-домашней цивилизации. Это во многом было вызвано не только правлением нового императора, но и принятым его предшественником Петром III законом «О золотой вольности дворянства», начавшим действовать уже позднее, во времена императрицы Екатерины II. Такой факт объясняется освобождением дворянского сословия от обязанности служить отечеству в армии с параллельным сохранением существовавших ранее сословных привилегий [7. с. 134]. Как же именно выглядят родовые черты этой цивилизации? Во-первых, доминирование ценностей «общества» над ценностью «личности». Во-вторых, доминирование служебной деятельности над деятельностью личностно-ориентированной. В-третьих, доминирование инструментальных ценностей – дисциплины и долга [8. с. 420-421].

Толстой как философ считает, что культура многогранна и в ней значима роль науки, но она выполняет специфический заказ существующей цивилизации – обманывать население, делать всё, чтобы оно оставалось темным, необразованным и суеверным, не было способно самостоятельно отыскать истину и достичь благосостояния. Русский мыслитель рационален в своих теоретических построениях, но в то же время для него главное в науке – это этические ценности. Раскрывая смысл социального заказа на научное знание, он утверждает, что наука выполняет функцию, строго противоположную официально декларируемым целям, и способствует сокрытию взаимосвязей, существующих между различными физическими, химическими, природными и иными феноменами и явлениями, а также их реальной сути и смысла. При этом в научной литературе, по мнению Толстого, невозможно найти ответы как на элементарные, так и на наиболее значимые, животрепещущие вопросы, а сами ученые и все, кто непосредственно связан с академической сферой, склонны избегать прямых ответов на задаваемые вопросы и напротив, уходят в пространные рассуждения касательно вещей, мало связанных с проблематикой рассматриваемой темы [5. с. 282]. Если по Гегелю философия или совокупное научное знание является квинтэссенцией культуры [\[9\]](#), то, по мнению русского философа, сутью культуры выступает религиозно-нравственная сторона общежития.

Отсюда роль центральной культурной ценности, с точки зрения писателя, отводится любви, чьим базовым элементом является принцип непротивления. Он был убежден, что именно это важнейшее чувство – любовь – является своего рода замковым камнем каждого существующего верования и религии. Спецификой конкретно христианства является тот факт, что в нем было явно и строго оговорена ключевая отличительная

черта любви, при отсутствии которой она становится принципиально невозможной. Эта характерная черта заключается в непротивлении злу насилием [10. с. 264]. Любовь вкупе с непротивлением выступают в роли духовного базиса, фундамента, на котором зиждется культура человечества, а также они раскрывают и в значительной степени обуславливают, определяют суть нравственности. Толстой полагал, что культура, базирующаяся на духовно-нравственных началах, является противоположностью современной цивилизации, чьим основополагающим принципом является идеализация насилия и принуждения, и таким образом находится в оппозиции к ней. По Толстому, основными движущими мотивами культуры насилия является безудержная тяга к обладанию и бесконечным наслаждениям, а это неизбежно ведет к зарождению и укоренению в людях крайнего эгоизма, стяжательства, избыточной чувственности и материализма, делает их алчными, эгоцентричными, развращенными и приземленными. В своем труде «Что же нам делать?» автор сетует, что та жизнь, которую ведут его современники, вступает в жесткое противоречие не только с духовно-нравственными началами, но и с самой человеческой физиологией. При этом никто не думает о том, как устранить эти язвы цивилизации – напротив, огромные интеллектуальные усилия прилагаются для того, чтобы убедить общество в нормальности и правильности сложившегося положения дел. По мнению Толстого, каждая из составляющих того, что его современники подразумевали под культурой, включая научные дисциплины, разные виды искусств и прогресс в социальной сфере, по сути, являются лишь стремлением запутать и одурачить людей, избегая удовлетворения их реальных требований, обусловленных врожденной человеческой нравственностью и духовностью. По Толстому, даже гигиенические и медицинские правила и новшества являются лишь обманом, неспособным удовлетворить реальные нужды, обусловленные естеством и физиологией человека [5. с. 386].

Писатель полагал, что современная ему цивилизация ориентируется на сферу материального и рукотворного. В силу этого она прагматична и утилитарна, поэтому он считает мотивированным, закономерным и логичным переход к *моральному утилитаризму*, то есть, в сущности, к нравственному прагматизму, который в культурно-философском разрезе с точки зрения автора имеет непосредственное отношение к рационализму и концепции нравственного опрощения. Хотя в целом утилитарная философия в западном её понимании ориентирована на моральные ценности поведения и поступка, связанные с идеей полезности, полезность трактуется, однако, как интегральное удовольствие именно общественной группы и социальное счастье, а не только в индивидуалистическом смысле. Этика утилитаризма в социальных (групповых) аспектах развивалась Адамом Смитом, Джеремией Бентамом и Джоном Стюартом Миллем. Однако Толстой по-своему трактовал эту концепцию, сделав основной упор на то, что культуру следует переориентировать на первоочередное удовлетворение нравственных потребностей каждого конкретного индивидуума, таким образом, приведя ее в соответствие с человеческими ценностно-моральными ориентирами и в какой-то степени переведя на рельсы индивидуализма. По мнению И.А. Ильина, ярчайшего представителя русской литературы, философии и публицистики, такие взгляды Толстого были обусловлены кризисным состоянием, наблюдавшимся в исповедующих христианство социумах и их культурной сфере. Таким образом, корни толстовства берут свое начало в деградации и разрушении культуры, в значительной степени возвращенной на христианстве, однако проходящей поэтапную дехристианизацию и во многом утратившую изначальную связь с этой религией [11].

Толстой полагал, что обрести подлинность и неподдельный характер культуре поможет опора на нравственность и религиозность, а также ориентация на духовные идеалы.

Такое отношение к смысловому наполнению и истинному предназначению культуры переняли все видные деятели Серебряного века. В рамках толстовства культура наделяется рядом неотъемлемых признаков, перечисленных ниже:

1. Основным фундаментом является сопричастность индивида к Божественному началу, жизнь в гармонии с природной средой обитания и окружающим социумом. С данной точки зрения Толстой рассматривает человеческую личность в виде уникальной совокупности внешних и внутренних качеств.

2. Культура находит выражение не только непосредственно в искусстве, но и в научно-образовательной и религиозной сфере. Причем каждая из вышеперечисленных сфер жизнедеятельности обязана проводить в жизнь некоторую *идеологию*, которая бы способствовала объединению разных индивидов, наций и этносов, а максимально полноценно выполнить подобную функцию способна лишь этика любви и непротivления. Вот почему основным назначением культуры является продвижение высших идеалов и всестороннее способствование *духовному росту и самосовершенствованию* не только отдельных людей, но и человечества в целом.

3. С учетом вышеперечисленных обязательных для Толстого признаков истинной культуры, он закономерно остро критиковал как современную ему культуру во всех ее проявлениях, так и науку с официальной религией. Хотя его взгляды на эти стороны жизни вполне можно назвать нигилистическими, однако они полны оптимизма и надежды на развитие и улучшение.

Всесторонне и аргументировано критикуя существовавшую в то время буржуазную культуру, писатель яростно противостоит тем ценностям вездесущего материализма, которые навязывались развивающимся нарастающими темпами научно-техническим прогрессом. В начале XX столетия это особо отразилось в работах О. Шпенглера, прошедшего через окопы Первой мировой и вынужденно, под гнетом пережитого опыта, серьезно поменявшего собственное мировоззрение и убеждения, отраженные в его философии через разработанную им концепцию развития культур и цивилизаций. Также по причине перенесенных военных тягот он подверг полному пересмотру и переосмыслению и существенно отредактировал, внося множество поправок в уже написанный II том ключевого труда всей жизни – книги «Закат Европы» ^[12]. Проанализировав вступительную часть 2-го издания – пролог автора, содержащий сокращенный пересказ сути его двухтомного труда, можно увидеть, сколь сильное воздействие война и послевоенные годы оказали на философско-исторические взгляды Шпенглера. Поскольку война носила глобальный, международный характер и в той или иной степени затронула все страны и континенты, она внесла корректировки и в мировоззрение мыслителя, определив специфику его подхода к истории цивилизации, выразившуюся в реконструкции истории «фаустовского духа» (О. Шпенглер). Как пишет современный историк философии А.В. Усачев, отечественная историософия имеет собственную специфику, в ней четко прослеживается путь от уникального к универсальному, при этом факт осмысливается как часть универсального. Напротив, в немецкой традиции философии истории присутствует противоположная отличительная черта – путь от универсального к уникальному, сопровождающийся анализом того, какова эффективность конкретизации различных терминов, представлений, теорий и концепций при рассмотрении разных исторических событий ^[13. с. 191].

Роль ведущего культуробразующего фактора, с точки зрения писателя, следовало отвести сознательной и трудоемкой работе человеческого интеллекта, ориентированной на личностный рост и духовно-нравственное самоусовершенствование, а также

непосредственно сопряженной с осуществлением созидательной деятельности хозяйственного характера. Отсюда закономерно вытекало, что в качестве культурного эталона организации социума следует использовать уклад крестьянской общины, базирующейся на патриархальности, семейственности и коллективном земледелии, не имеющей сословно-классовой структуры, однако при этом достаточно независимой, устойчивой и самоуправляемой, а потому не нуждающейся в системном аппарате насилия, то есть государстве. И здесь мы видим определенную преемственность Толстым идей Н.Я. Данилевского об особенностях славянского (русского) способа жизнедеятельности, связанного с сельской общиной, где ведущей стороной является деятельность нравственно-экономическая [14]. А с другой стороны – приверженность Толстого концепции нравственного анархизма, которая подробнейшим образом разрабатывалась М.А. Бакуниным и П.А. Кропоткиным [15].

Также писатель акцентирует внимание на том, что в разные эпохи, в разных странах и социумах представления о смысле человеческого существования и идеалах могут значительно отличаться и в немалой степени зависят от имевшегося тогда религиозного сознания, наиболее ярко отражаемого самыми образованными, интеллектуальными, талантливыми и прогрессивными представителями общественности, однако в той или иной степени ощущаемого и разделяемого всеми, кто к ней принадлежит. По мнению Толстого, подобным сознанием религиозного характера проникнут любой социум [15. с. 152], откуда следует, что *ценность* искусства и его значимость для людей неразрывно сопряжена с *религиозностью*, другими словами, существованием общепринятых высших идеалов, на которые могут ориентироваться художники, и которые они открыто и искренне отражают в собственных произведениях.

Толстой не сомневался в том, что религиозное сознание является универсальным феноменом, присущим любому социуму, независимо от исторической эпохи, географического положения и иных аспектов, и именно оно, по его мнению, непосредственно обуславливало восприятие и несло ответственность за оценку эмоций, содержащихся в произведениях искусства. Также оно способствовало выделению, вычленению и продвижению из общей массы безграничного многообразия художественных произведений лишь тех, что максимально отвечали духу, эмоциональному настрою и нравственным ориентирам конкретной эпохи [15. с. 152].

Хотя Толстой всесторонне критиковал искусство, его утилитаризм и не принимал его связи с современной материалистической цивилизацией, претензии писателя к этой сфере жизнедеятельности были обусловлены неспособностью искусства полноценно сыграть свою истинную роль в культуре. Поэтому было бы неправильно считать, что Толстой отрицал искусство, скорее, он сетовал, что оно не способствует *духовному* росту, нравственному развитию и самосовершенствованию человека. Такое же отношение у мыслителя было и к тогдашней науке, которая, с его точки зрения, утратила подлинную суть и предназначение, пойдя по ошибочному пути, и больше не помогает общественной трансформации, общечеловеческому прогрессу и умственному развитию отдельных людей, а напротив, стремительно насаждает дикарство [5. с. 364]. Таким образом, Толстой напрямую возлагал на творцов – деятелей искусства – ответственность за духовно-нравственное развитие людей, потребляющих их произведения.

Выводы

В качестве выводов укажем:

1. Критически анализируя тогдашнее общество и цивилизацию, Толстой называет и

рассматривает их основные отличительные черты с двух точек зрения: *социально-культурной (рыночно обусловленное разделение труда, профессиональная специализация, эксплуатация трудового народа капиталом, научно-технический прогресс)* и *нравственно-религиозной (утрата веры в Бога, духовности и высших идеалов, бессовестность, насилие, ориентация на материальное потребление, сведение смысла жизни к получению разнообразных удовольствий)*. Ключевыми характеристиками тогдашней социально-экономической сферы писатель полагал излишнюю прагматичность и ориентацию на утилитаризм.

2. Фундаментом разработанного Толстым учения о ненасилии является критический подход к оценке разных форм принуждения со стороны государства и его аппаратов, что идеологически породило писателя с анархистами Бакуниным и Кропоткиным. Толстой всесторонне анализирует недостатки и изъяны тогдашнего государственного строя, которые, с его точки зрения, во многом порождены утилитаризмом, ориентацией на прагматизм, утратой высших идеалов и общепринятых жизненных ценностей.

3. Тогдашнее искусство Толстой критиковал с нескольких позиций: писателя не устраивал его условный, преимущественно утилитарный и стандартизованный характер, отсутствие искренности и духовности, отказ от высокохудожественных и высоконравственных идеалов, ориентация на потребителя, неспособность вызывать преобразование человеческой личности и содействовать ее развитию. Словом, Толстой еще в те времена описал ключевые отличительные черты, свойственные феномену массовой культуры.

4. Толстой был уверен, что религиозное сознание является неотъемлемой частью каждого социума и в любую эпоху оно непосредственно влияет на оценку и восприятие людьми эмоционального содержания, транслируемого произведениями искусства. Основным фундаментом культуры, с точки зрения Толстого, является *любовь*, которую люди испытывают друг к другу, и связанный с нею принцип непротивления злу насилием. Писатель считал, что духовность предопределяет суть и обуславливает назначение культуротворческой деятельности, выступая в роли замкового камня, консолидирующего воедино всю общечеловеческую культуру.

Библиография

1. Асмус В.Ф. Мировоззрение Толстого. – В кн.: Асмус В.Ф. Избранные философские труды, т. 1. М., 1969. 416 с.
2. История русской философии / Под общ. ред. проф. А.А. Замалеева. СПб: Издательский дом С. – Петербургского государственного университета, 2012. 354 с.
3. Кожурин А.Я. «Египетский» Розанов // Картина человека: метафизика, культурология, коммуникация: коллект. монография. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2020. С. 402-418.
4. Арефьев М.А. Русская культурология: политико-правовые и социально-экономические аспекты / Арефьев М.А., Давыденкова А.Г., Козлова Т.И.: Монография. СПб-Пушкин, 2016. 361 с.
5. Толстой Л.Н. Что же нам делать? Полное собрание сочинений в 90 томах. Т. 25. М.: Художественная литература. 1938. – 925 с.
<http://www.tolstoy.ru/creativity/publicism/971/> (дата обращения 26.08.2022 г.)
6. Алябьева С.В. Учение о ненасилии Л.Н. Толстого: философские основания. // Ключь. Философско-общественный альманах Российского общества реалистической философии. Вып. 12 . СПб. Сухум, 2018. С.17-20.

7. Смирнов П.И. Слово о России: Беседы о российской цивилизации. СПб., 2004. 324 с.
8. Смирнов П.И. Постижение России: взгляд социолога. СПб., 2020. 574 с.
9. Гегель Г.В. Философия права: [Пер. с нем.] / Георг Вильгельм Фридрих Гегель; [Авт. вступ. ст., с. 3-43, и примеч. В. С. Нерсисянц]; АН СССР, Ин-т философии. М.: Мысль, 1990. 524 с.
10. Толстой Л.Н. Круг чтения. Полное собрание сочинений в 90 томах. Т. 41. М.: Художественная литература. 1938. 612 с.
<http://www.tolstoy.ru/creativity/publicism/971/> (дата обращения 26.08.2022 г.)
11. Ильин И.А. Основы христианской культуры; Путь духовного обновления / Иван Ильин. СПб.: Шпиль, 2004 (ГПП Печ. Двор). 351 с.
12. Шпенглер О. Закат Европы.-Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. 637 с.
13. Усачев А.В. Русская историософия и Германская философия истории: сходство и различие моделей // Фигуры истории, или «общие места» историографии. Вторые Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории / Отв. ред. А.В. Малинов. СПб. 2005. С. 183-193.
14. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 573, [1] с.
15. Арефьев М.А. Социально-политическая философия русского анархизма: диссертация ... доктора философских наук: 09.00.10. Санкт-Петербург, 1992. 319 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Настоящая статья посвящена достаточно хорошо проработанной теме анализа философско-религиозного творчество Л.Н. Толстого и анализа его влияние на как культуру Серебряного века, которое автор рассматривает как исходное начало этой культуры. Можно даже сказать, что достаточно сложно что-то новое выявить в этой тематике, но в то же время необходимо отметить, что позиция автора достаточно интересна, восходит к анализу многочисленных источников и стоит подчеркнуть, что в настоящее время обращение к данной тематике достаточно актуально, принимая во внимание культурные и социально- политические реалии нашего времени, когда обращение к духовным скрепам российской государственности приобретает все большее значение.

Религиозная философия в России всегда пользовалась большим влиянием, за исключением периода советской истории. Ее развитие в XIX в. прошло несколько этапов. Сначала на идеях русского православия и монархизма появились славянофилы. Их сменили почвенники, которых называют эпигонами славянофильства. Почвенники породили религиозное реформаторство XIX в. (Достоевский и Толстой). Его закономерным итогом явилась волна богоискательства — течения в религиозной философии, которое было направлено на переосмысление важнейших религиозных истин. Нередко их трактовка совершенно не совпадала с догматами церковного богословия. Этап богоискательства, именуемый иногда русским духовным Ренессансом, начинается примерно в конце XIX в., а заканчивается в начале XX в. В этот период происходит новая поляризация русской мысли: с одной стороны, религиозная философия, устремленная к духовным исканиям; с другой — материалисты — последователи Фейербаха, Маркса и Энгельса, устремленные к революции. Наиболее

значительные религиозные философы этого этапа: Л. Н. Толстой, Н. Ф. Фёдоров, В. С. Соловьёв, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, С. Л. Франк, Н. О. Лосский, Л. И. Шестов, П. А. Флоренский и некоторые другие.

В 60—70-е гг. XIX в. углубляется кризис официальной церковной идеологии. Церковь стремится укрепить свое учение. В 1856 г. появляется сборник «Православно-догматическое богословие» (митрополит Макарий). В ответ нарастает волна религиозного реформаторства, представленного двумя течениями мысли: почвенничеством и толстовством.

Выдающийся русский писатель и мыслитель Лев Толстой (1828—1910) выдвигает идею создания новой практической религии, основанной на учении Христа, но очищенной от церковности и пустой веры в загробное блаженство. Философскую опору он находит в раннем христианстве (арианстве), восточных религиях и учениях европейских философов Нового времени — Руссо, Шопенгауэра, Фейербаха.

Центральный вопрос в философии Толстого, который он ставит в «Исповеди» (1879), — это вопрос о смысле жизни. Как решают его люди светского круга? Одни живут в неведении, не видят зла и бессмысленности жизни. Другие идут по стопам Эпикура: зная о бессмысленности жизни, не думают об этом, а стремятся получить от нее все наслаждения. Третьи решают проблему самоубийством. Четвертые, зная о никчемности существования, ни на что не решаются и плывут по течению. Однако все эти решения не удовлетворяют запросы человеческого разума и оставляют вопрос о смысле жизни открытым.

Толстой приходит к выводу, что человеческий разум не способен решить этот вопрос. Только неразумная, иррациональная вера снимает проблему смысла бытия и вдохновляет человека к жизни во имя искания Бога. Эти искания приводят человека на тропу самосовершенствования, братской любви к другим людям и обретению индивидуального бессмертия, когда его сознание сливается с сознанием других людей, что и является проявлением абсолютной сущности Бога.

Чем же принципиально отличается религия Толстого от церковного православия? Во-первых, он воспринимает Христа не как Бога, которому «надобно молиться», а как духовного человека, утвердившего высшие этические заповеди, которым необходимо следовать. Главная из них — учение любви и его практическое применение в непротivлении злу насилием. Церковь, убежден Толстой, несет ответственность за то, что люди не поняли этого учения. Это во-вторых. В-третьих, церковь за отвleченной метафизикой забыла этику Нового Завета, а они неразрывны. Именно поэтому она благословляла рабство и несправедливости властей. И, наконец, в-четвертых, Толстой призывает обратиться к раннему чистому христианству. Церковь отреагировала на духовное реформаторство мыслящего писателя резко и неконструктивно.

Работа написана хорошим литературным стилем, присутствует обращение как к взглядам сторонников позиции автора, так и к разбору аргументов оппонентов, опирается на достаточно обширный список литературы и, возможно, вызовет интерес у определенной части аудитории журнала.